

Психотип поэта: цель и методика определения (на примере творчества Ксении Некрасовой)

И. И. Плеханова

Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы психотипической идентификации творческой личности. Психоаналитический метод дополняется характеристикой образа мышления поэта.

Ключевые слова: Кс. Некрасова, Л. Добычин, психотип, проблемы идентификации, лирическое «я», биография, психология творчества.

I. I. PLEHANOVA. *Psychotype of Poet: Aim and Method of Definition (Works by Ksenia Nekrasova as an Example)*

Abstract. The article covers issues of psychotypical identification of creative personality. Psychoanalytical method is amplified with description of poet's way of thinking.

Keywords: Ksenia Nekrasova, Leonid Dobytshin, psychotype, problems of identification, lyrical "the I", biography, psychology of creativity.

Введение в литературоведение ещё одного принципа классификации — по психотипу автора — способствует решению ряда проблем психологии творчества. Во-первых, описание личности литератора, основанное на методике К.-Г. Юнга, аналитика глубинных мотивов образного мышления, позволит обосновать близость лирического и биографического «я». Во-вторых, типология К.-Г. Юнга строится на нежесткой, но системной корреляции ряда параметров: преобладающем векторе самоопределения — вовне (экстраверт) или внутрь себя (интроверт), относительном доминировании одной из функций психики (мышление, чувствование, ощущение, интуиция). Описание проявлений в творчестве всех пяти качеств во взаимосвязи даёт объёмную характеристику мировосприятия художника. В-третьих, открываются именно художественные проявления этих установок, которые — в силу одарённости — существенно отличаются от стереотипных. В-четвёртых, природные доминанты сознания естественно предопределяют не только предпочтения, но и возможности творца, что позволяет объективно судить его не только по пушкинскому завету — по законам, им самим над собой признанным, но и в соответствии с органикой способностей. Так, в итоге, можно выработать справедливый подход к оценке сделанного автором.

Кроме того, можно предположить, что устойчивый психотип тяготеет к определённому архетипу-модусу творческого мышления — реалистическому (с мифопоэтической подоплёкой) или авангардному (как интеллектуальные эксперименты). Для рассмотрения этой гипотезы необходимы обширные статистические данные. Наша цель — собрать материал, ограничив рамки определением психотипа авторов, представляющих версию реалистического модуса — наива. Можно предположить, что художники, высказывающиеся в предельно

простой, безыскусной форме и сугубо позитивно, — чувствующие интроверты, т. е. личности, замкнутые в себе, погружённые в сокровенное.

В юнговской классификации тип чувствующего интроверта описан не на творческих примерах и сугубо в поведенческом аспекте, поскольку только так проявляется глубоко скрытая жизнь его сознания. Этот тип ещё меньше связан с реальностью, чем интровертный мыслитель, что затрудняет личные отношения с миром, способ внятного высказывания и обоюдную коммуникацию. Как творческий тип он «выражает свою цель и своё содержание перед самим собой, быть может, в сокровенной и боязливо оберегаемой от взоров профана религиозности или же в поэтических формах, которые он столь же тщательно оберегает от неожиданного вторжения, не без тайного честолюбия, стремящегося таким образом установить превосходство над объектом» [Юнг 2008: 529]. Герметичность типа затрудняет поиск убедительного примера среди широко известных писателей и поэтов, поскольку профессиональная деятельность сама по себе предполагает установку на публичное самопроявление. Следовательно, к чувствующим интровертам можно с уверенностью отнести тех авторов, кто, во-первых, отличается «странностями» самоопределения в литературном и прочем кругу и, во-вторых, чьи тексты отмечены доминантой неконвенционального мировосприятия. Поскольку любой художник, а особенно поэт, «странен» вследствие неординарности, то именно уникальная степень странности как несовместимости с миром может дать ключ к особенностям того «иноного» мира, который несёт в себе и выражает автор.

Очевидный пример — прозаик Леонид Добычин (1894–1936) и его лирическая повесть «Город Эн» (1935), которая стала причиной яростной проработки на обсуждении и последующего таинственного исчезновения писателя. Робкий и замкнутый, одинокий человек пропал без следа. Повесть осталась как шедевр литературного наива — повествование простодушного подростка, который отличался доверчиво-добродушным видением всего окружающего: предметов, героев книг, людей и революции 1905 года. Так, например, воспринят рассказ о жутком самоубийстве: «Оказалось, что Ольги Кусковой уже нет в живых. <...> ...она показала себя недотрогой. Отправилась на железнодорожную насыпь, накинула полотняный мешок себе на голову и, устроившись на рельсах, дала переехать себя пассажирскому поезду» [Добычин 1989: 104]. Но, как сказано в конце, первопричиной такого видения

была не только бесхитростная натура героя, но и врождённая близорукость — так автор остранил свой приём, дал ложный, метафорический ключ для объяснения своего персонажа и дистанцировался от его непосредственности. Мальчик отличался эмоциональным, а не рациональным восприятием мира, искренние, абсолютно свежие чувства обусловили эвристическое видение. Повествование построено на приёме остранения, его можно рассматривать как литературный примитивизм — стилизацию наива, но органичность образа героя обусловлена особенностями авторской психики [Каверин 1995: 18].

В поэзии пример интровертного чувствования — Ксения Некрасова (1912–1958), «значительный наивный поэт» в советской литературе [Давыдов 2004]. Действительно, её понимание творчества утверждает его абсолютную простоту, органику и жизненную необходимость: «В строении Блаженного собора / всё повторяется горшок, / рисованный багрянцем. / А из горшка росток, / вправо лист на черенке, / и влево лист на черенке, / а посередине на стебле / алеет луковый цветок» («О мастерстве») [Некрасова 1981: 111].

Ксения — героиня мифа о юродивой от поэзии. Сирота, не знаящая ничего о своих родителях, она была абсолютно безытна, и её жизнь в прямом смысле зависела от того, возьмёт ли кто её на печение. Ксения сознавала свою неотмирность как природное право и простодушно надеялась на него, о чём свидетельствует разговор с мужем — объяснение, почему она остаётся в Москве в октябре 1941 года: « — Я здесь решила / переждать. / Ты инженер / Тебе опасно здесь. / — Уеду я / а ты с Тарасиком одна? / Всё как-то здесь не так / Поедем, Ксения... / — Нет, / Один поедешь ты / Ты многим нужен / Для миллионов граждан / Учился ты... / А я, / Что мне / Я мать / И у зверей в почёте / Это имя. / Я пережду врага / А ты потом вернёшься» <здесь и далее пунктуация оригинала. — *И. П.*> («Набросок») [Некрасова 2012: 162].

Собственное свидетельство тождества личного и лирического «я» — строки верлибра: «Мои стихи иль я сама — одно и то же, только форма разная» [Некрасова 2012: 151]. Воспоминания друзей подтверждают это: её бесхитростное существование и поэтическая жизнь сливались, душа была как будто автономна от тела и знания, стихи — просветлённо благодатными, а быт благополучен настолько, насколько это позволяли помощь людей и обстоятельства. Идеальный образ по-детски наивен: «Иногда она входила радостная, с искоркой в глазах, заявляла, что принесла новые стихи

и сейчас их будет читать. / Её не смущали новые люди, наша занятость или наш отдых. Она несла строчки так: вдохновенно и восторженно шла к выбранному месту, устраиваясь, складывала ноги по-восточному, поднимала маленький палец вверх, приглашая всех быть внимательными к ней. Читала всегда превосходно, дирижируя пальчиком вправо и влево. / Потом разговаривала разговоры» [Некрасова 2012: 153].

Такой образ близок описанному Юнгом: «Примат интровертного чувства я встречал, главным образом, у женщин. К этим женщинам применима поговорка „Тихие воды глубоки“. В большинстве случаев они молчаливы, труднодоступны, непонятны, часто скрыты под детской или банальной маской, нередко также отличаются меланхолическим темпераментом. <...> Так как они преимущественно отдают себя руководству своего, субъективно ориентированного чувства, то их истинные мотивы в большинстве случаев остаются скрытыми» [Юнг 2008: 527]. Но Ксения не только не предполагала сокрытость, а как будто уходила от рефлексии и сомнений. Дневники её фиксировали мысли и наблюдения, отражающие убеждённую веру: «Разве правда заключается для людей в том, чтобы показать им их тяготы жизни? Их чёрное настроение — от этих тягот? По-моему, правда — в понимании русского народа» [Некрасова 2012: 157]. О неприятии сугубо интеллектуальной духовной жизни заявлено в стихах: «На русской земле / Большинство жителей — талантливых / Или смекалистых. / А мрачных с синими мыслями — / Встречала я среди интеллигенции, / А у простого народа синих мыслей не бывает» [Некрасова 2012: 158]. Так виделось предназначение поэзии — и так транслировалась в мир личная духовная установка: «„Синими мыслями“ Ксения называла стихотворения с минорными финалами. Всякий раз, когда её захлёстывали тяжёлые думы, она старалась либо не сочинять вовсе, либо тщательно уничтожала плоды таких „синих дум“, искренне считая, что поэзия должна нести свет, а не печаль» [Некрасова 2012: 161]. Как отмечал Юнг, «интровертное чувство подчиняется главным образом субъективным предварительным условиям и занимается объектом лишь на втором плане» [Юнг 2008: 525]. В случае с Ксенией Некрасовой это была преданность добру как закону существования. Она была органически неспособна к отчуждению от мира, но и мир должен был подтвердить правоту её веры.

Поэзия Некрасовой как будто противоречит установке на своеобразный эскапизм: «Интровертное чувство старается не принориться к объек-

тивному, а поставить себя над ним, для чего оно бессознательно пытается осуществить лежащие в нём образы. Поэтому оно постоянно ищет не встречающегося в действительности образа, которого оно до известной степени видело раньше. Оно как бы без внимания скользит по объектам, которые никогда не соответствуют его цели. Оно стремится к внутренней интенсивности, для которой объекты, самое большее, дают некоторый толчок» [Юнг 2008: 525–526]. Про нищую и постоянно голодающую, потерявшую дитя и мужа Некрасову никак нельзя сказать, что «объекты» не влияли на её жизнь и воображение. Напротив, она писала о том, что видела и что переживала вместе со страной. Есть картины производства: «Метали доменные боги / десятки солнц / в чугунные ковши» [Некрасова 2012: 165]. Есть пронзительная тема пищи: «Буханка хлеба — / Это выше поэмы / Трилогия замыслов / Желаний и чувств / Не у каждого человека / В трагедию века / Имеется на день / Буханковый вкус» [Некрасова 2012: 167]. Острая зоркость не отворачивается от злого и жуткого: «Тень упала под ноги мне / Я голову вверх подняла / Медленно шевеля крылом / Стервятник кружил надо рвом / Так низко висел на крыльях / И отчётливо видела я / Как по белой груди его / Размазана свежая кровь. / Я стою / Я молчу» [Некрасова 2012: 172]. Эти строки из стихотворения «Этюд моего времени» — так увиденное въяве оформлено в символ. Важно подчеркнуть, что напряжение трагического знания дано в сжатой, не форсированной форме — так вера гуманистического наива сопротивляется отчаянию.

Юнг отмечал сдержанность переживаний чувствующего интроверта: «Отношение к объекту поддерживается по возможности в спокойных и безопасных средних тонах чувств, при упорном и строжайшем уклонении от страсти и её безмерности» [Юнг 2008: 528]; «Но это в корне ложно, ибо чувства хоть и экстенсивны, но интенсивны. Они развиваются вглубь» [Юнг 2008: 529]. Ксения Некрасова чувствовала так, как воспринимают мир юродивые: души её не касались зло, страсти, мелкая игра самолюбий. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод из мемуаров М. Алигер:

«Однажды в редакции „Нового мира“ Маргарите Алигер показали верстку стихотворений Ксении Некрасовой, и те очень ей понравились. Она сказала об этом вслух, но, когда заведующая отделом поэзии предложила сказать то же самое автору, Алигер отказалась: „Это совсем разное: стихи и их автор. Я с ней общаться не умею. Не получается как-то... Все-таки она... — идиотка!“

А Ксения была рядом. Все слышала. „Сказать, что я растерялась, это значит ничего не сказать, — с горечью вспоминает М. Алигер. — Сказать, что я пришла в ужас, это тоже очень мало и бледно. Я не помню в жизни своей какой-либо хоть отдаленно похожей минуты. У меня словно железом перехватило горло, и из глаз брызнули слезы...

— Ксения... Ксения... Ксения... Простите, простите меня! — лепетала я, задыхаясь от стыда, от муки, от страдания... Я схватила ее за руку, я готова была прижать к губам эту плотную, широкую, чистую ладонь, и она не отнимала ее, продолжая улыбаться. И вдруг сказала громко, просто и отчетливо:

— Спасибо вам. Спасибо, что вы так хорошо говорили о моих стихах.

И были в этих словах такая чистота и отрешенность, такое покойное и непобедимое человеческое достоинство, которые я никогда с тех пор не могу ни забыть, ни утратить...“» [Савельева 2002].

Алигер поразило откровение человеческих отношений — такое, какое наблюдал психоаналитик: «интенсивное сострадание замыкается и воздерживается от всякого выражения и приобретает таким образом страстную глубину, которая вмещает в себя всё страдание индивидуального мира и застывает в этом. При чрезмерном сострадании оно способно, быть может, прорваться и повести к поразительному поступку, который будет иметь, так сказать, героический характер, но к которому ни объект, ни субъект не сумеют найти правильного отношения» [Юнг 2008: 529].

Сознание чувствующего интроверта вполне отчетливо. Просто ему легче вступать в диалог с природой, чем с людьми. Так для Некрасовой совершенно безусловен духовный контакт со стихией, у которой есть своё сознание и воля: «Море требует, чтоб на него смотрели / И когда ты в молчании постоишь / Поглядишь на него / Море разрешит полюбить себя / И останется в сердце твоём» [Некрасова 2012: 159]. Образец интровертного переживания — редкое признание полного одиночества и даже отверженности: «Когда приходит горькая печаль / Кому мне исповедь держать / — Богу / — В бога я не верю / — Друзьям / — Но нету друга у меня / — А людям? / — Что ж люди / Изверилась я в них / Мучительно описывать себя / И в думах проходить / Уж пройденную землю / Мой материк / Что исчислен годами / И за спиной остался / В тридцать лет. / Там юность робкая живёт / Побитая житейскими камнями / Она ещё доверчиво глядит / На пальцы грязные / что камни подымали» [Некрасова 2012: 164]. До вспышки чувств — инвективы юродивого — вос-

стаёт душа, оскорблённая человеческой низостью в стихотворении из цикла «Мир». Это мир (социум) после войны и победы — ожесточённое торжище, растрата лучшего и ослепление. Но лирический сюжет разворачивается как самоопровержение — движение к прозрению: «По площадям базарным / Ходят речи / Будто люди / Добро забыли / Жалость в боях убили / Растоптали в походах совесть / О! если бы был Бог / Я бы просила: / Сдвинь с места, / Боже, базары. / Искривились бы ртов орбиты / Языки как миры сшибаясь / Раскололи глаза и мысли. // Но // Мальчишка достал из корзинки скворца / Птица округлое сизое веко / Содвинула вверх / Таинственны птичьи глаза / Как неоткрытые законы / Комочки пуховой жизни / Умиляют детей и взрослых / Даже бродяга / Шабалками рук / Тянется из толпы / Стараюсь коснуться / Взъерошенных перьев. // Значит есть у людей добро» (19–23 сентябрь, 1945) [Некрасова 2012: 164]. Парадокс: юродивая — Божий человек — восстаёт против Бога и вызывает к нему. Но парадокс находит естественное разрешение в логике интровертного чувства, ибо и носитель, и хранитель, и выразитель божественного идеального начала — ипостаси одного поэтического и личного сознания Некрасовой. Её собственная птичья зоркость — дар святого духа, соблюдаемый в чистоте, и она верит, что божье присутствие в птице люди интуитивно чувствуют.

Так, вопреки «отрицанию» Бога, решена тема божественного откровения. Таково интровертное мышление-чувствование: «Изначальные образы, как известно, в той же степени являются идеями, сколь чувствами. Поэтому такие основополагающие идеи, как Бог, свобода и бессмертие, имеют настолько же ценность чувства, насколько и значение идеи. <...> Но тот факт, что мысли по общему правилу могут быть выражены более понятно, чем чувства, обуславливает то, что при такого рода чувствах нужна необычайная словесная или художественная способность выражения уже для того, чтобы хотя бы приблизительно изобразить или передать вовне их богатство» [Юнг 2008: 526]. Ксения Некрасова не проповедует религиозные ценности, она их несёт в себе — и сами тексты есть их воплощение. Так, мышление — это состояние духовного труда и подвиг просветления мира: «О мысль моя / Взглянувшая в затылок человека / В соборе черепа / Молилась ты / Когда средь опалённой мглы / Задымленная живопись добра / Зазолотилась вновь / Небесными чертами / Ты мысль моя / У белого листа / Свидетельницей стань» (1944 год) [Некрасова 2012: 165]. Знаменательно, что

мысль — не интуитивное откровение, как можно было бы ждать от юродивой, не экстаз прозрения, а процесс рефлексии и самоотрешения: «моя мысль» должна стать «свидетельницей» — перед людьми и Божьим судом. Труд поэта — обеспечить точность и праведность свидетельствования, что одно и то же. Юнг подчёркивал, что коммуникация между чувствующим интровертом и миром возможна, «пока чувство ориентируется, главным образом, всё ещё по сокровищнице изначальных образов» [Некрасова 2012: 526]. Архетипичность метафор, символов, автологии Некрасовой опирается на знаки христианской культуры: человек — задымлённый храм, но с Божьим присутствием, голова — собор, душа — птица, мысль — молитва. Рефлексия переживается не как раздвоение сознания, но как сотворчество души и разума.

Юнг описывал мыслительный процесс чувствующего интроверта как освобождение от диктата недостоверных, общепринятых и потому ложных образов: «Как интровертному мышлению противостоит примитивное чувство, которому объекты навязываются с магической силой, так интровертному чувству противостановится примитивное мышление, которое в смысле конкретизма и рабской зависимости от фактов не имеет себе подобного. Чувство прогрессивно эмансипируется от отношения к субъекту и создаёт себе лишь субъективно связанную свободу действия и совести, которая иногда отрывается от всего традиционного. Бессознательное же мышление тем сильнее подпадает под власть объективного» [Юнг 2008: 527]. У юродивого поэта Ксении Некрасовой бессознательное не имеет какой-то значимой силы проявления, поскольку само чувствующее сознание синкретично и актуализирует благое, справляясь с негативными импульсами. Отречения от традиционного просто не может быть, ибо традиция и совесть единокоренны и предполагают ту свободу следования идеальному, которая выше эгоцентрического своеволия.

Болезненная рефлексия находит выход, когда отступление от императива поэтического творчества мыслится как предательство «божьего дара из вышних слов», как об этом сказано в стихотворении «Судьба дала мне...». Примечательно, что изготовление кукол на продажу, чем жила юродивая Ксения, никак не воспринималось ею хоть в какой-то связи с магическими обрядами, что можно было бы ожидать от подавленного бессознательного (архетип куклы — метаморфоза души). Формула «Болванов ватный хоровод / Изобретет разум мой / и мозг» построена по модели примитивистского

косноязычия, буквально, наглядно, материально представляющего перевоплощение работы мозга через разум в «болванов».

Судьба дала мне
В руки ремесло.
Я научилась
Куклы делать на продажу.
Поэзией бестельной
и бескостной
Не сдвинешь с места
Мельничных колес.
И бросила в сердечный угол,
И опечатала печатью слез
Я божий дар
Из вышних слов.
Болванов ватных хоровод
Изобретает разум мой
и мозг.
[Некрасова 2012: 163]

Зачатие
Кто это?
Возникающий
Внутри моей головы
Под теменем у меня
Затылком погруженный
В тьму
С тончайшим очертанием
Отлогого лба,
Рта
И носа с раздуванием
Мягких ноздрей
На фоне моего мозга
— Суть человечья
С нечеловеческим профилем
Но все равно людским
Как у всех у нас

Так зарождается
Выпивая мысли мои
И тело мое

Съедающее меня **СЛОВО**.

23/10 – 26/10–44
[Некрасова 2012: 164–165]

Экстатическое описание работы сознания дано в стихотворении с метафорическим названием «Зачатие». Физиология рождения **СЛОВА** предполагает акт внешнего соучастия, но у Некрасовой это процесс автохтонный и представляет собой проявление двойника «С нечеловеческим профилем / Но всё равно людским». Это эманация мозга — ибо чувство, по Юнгу, вполне осознаваемый процесс — и перевоплощение духа и тела. Форма верлибра избрана стихийно, это не авангардный эксперимент, а естественное, избавленное от инерции силлабо-тонического ритма переживание отчётливо самобытного слова, «съедающего» поэта. Ощущение отнюдь не сенсорное — это метафора творчества-самоотвержения, перетекания своей жизни в стихи.

Очевидно, образ мышления Ксении Некрасовой — это процесс развёртывания диалога интровертного, т. е. преданного своей высшей природе сознания, с окружающим миром. Основа диалога — доверие благодатной сущности этого мира, естественной и культурно созидательной. Стихотворение «Мои стихи» представляет диалог как резонанс добра и потому его умножение: «Мои стихи... / Они добры и к травам. / Они хотят хорошего домам. / И кланяются первыми при встрече / с людьми рабочими. // Мои стихи... / Они стоят учениками / перед поэзией полей, / когда сограждане

мои / идут в поля / ведут машины. // И слышит стих мой, / как корни в почве / собирают влагу / и как восходят над землею / от корневищ могучие стволы» [Сайт Ксении Некрасовой]. Сверхчуткость оборачивается сверхмощью самой жизни. Диалог есть и распространение всеохватывающего сознания по горизонтали, и восхождение из глубин ввысь. Целостный образ мира, переданный в его простоте, в знаках самых безусловных — травы, дома, поля, машины, древо жизни, влага, земля, воздух — сродни высокому примитиву народной живописи и представляет собой её литературный аналог. Версия Ксении Некрасовой — стихотворный наив, т. е. не подражание, но воспроизведение картины мира, онтологизирующей позитивные основания бытия как безусловно действующие и неистощимые. Мышление и чувствование по модели высокого примитива не отменяет самосознание и драматизм жизни, но исключает трагическую безысходность.

Итак, чувствующий интроверт может выразить себя опосредованно в прозе и настаивает на непосредственности — в стихах. Собственная странность осознана как избранность — но не гордыня, а судьба, призвание, которое должно исполнить. Образ высказывания тяготеет к предельной ясности и безыскусности, которая в случае прозы — результат тонкой художественной игры, а в лирике осознаётся как единственно возможная, природная форма. Всё идеальное — от Бога до веры в народ — воспринято и осмыслено изнутри, но рефлексия скрыта как недостоверная в сравнении с бытийными законами, собственная сопричастность которым несомненна.

Все эти выводы, сделанные на примере всего двух авторов, должны быть проверены опытом психотипологической интерпретации содержания и поэтики творчества других чувствующих интровертов.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдов Д. От примитива к примитивизму и наоборот // «Арион». — 2000. — №4. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2000/4/davydov-pr.html> (дата обращения 28.05.2014).

Добычин Л. И. Город Эн; Рассказы. — М.: Худож. лит., 1989. — 222 с.

Каверин В. Добычин // Добычин Л. Воспоминания, статьи, письма. Сб. — СПб.: Журнал «Звезда», 1995. — С. 16–19.

Некрасова К. А. Судьба: Книга стихов / К. А. Некрасова. — М.: Современник, 1981. — 143 с.

Некрасова Ксения: «Опечатала печатью слёз я божий дар из вышних слов» Публ. Евг. Коробковой // Знамя. — 2012. — № 1. — С. 151–172.

Савельева Н. Юродивая Ксения. URL: <http://2002.povayagazeta.ru/nomer/2002/16n/n16n-s30.shtml> (дата обращения 28.05.2014).

Сайт Ксении Некрасовой // Режим доступа: http://truh.narod.ru/nekr8.htm#moi_stihy (дата обращения 28.05.2014).

Юнг К. Г. Психологические типы / Карл Густав Юнг. — М.: АСТ: Москва: Хранитель, 2008. — 761 с.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Плеханова Ирина Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы, факультет филологии и журналистики, Иркутский государственный университет.

Адрес: 664003 Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Эл. почта: oembox@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Plekhanova Irina Innokentievna is a Doctor of Philology, Professor of Modern Russian Literature Sub-faculty at Department of Philology and Journalism at Irkutsk State University.